

Munich Personal RePEc Archive

**THE ROLE OF INDIGENOUS
PEOPLES OF THE FAR EAST IN THE
FORMATION AND DEVELOPMENT
OF RUSSIAN-JAPANESE TRADE IN
THE XVIII-XIX CENTURIES**

Shkunov, Vladimir

Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences

8 September 2016

Online at <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/77173/>

MPRA Paper No. 77173, posted 20 Sep 2017 06:49 UTC

**РОЛЬ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ РОССИЙСКО-ЯПОНСКОЙ ТОРГОВЛИ В XVIII-XIX вв.**

© 2016 В.Н. Шкунов

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара

Статья поступила в редакцию 08.09.2016

В статье рассматривается роль коренных народов Дальнего Востока (айнов, орочей, нивхов, эвенков, удэгейцев, негидальцев и др.) в становлении и развитии двусторонней торговли между Россией и Японией. На конкретных примерах выявлена посредническая роль аборигенного населения Дальнего Востока в российско-японской торговле в период, когда она не была официально урегулирована. Исследован ассортимент товаров, каналы их поставки и сбыта, особенности меновой торговли.
Ключевые слова: Российская империя, Япония, коренные народы Дальнего Востока, внешняя торговля, товары, Сахалин, Хоккайдо.

Задолго до официального оформления российско-японских торговых отношений, еще во второй половине XVI-XVII в., в России уже знали о далекой Японии. Эти сведения черпались от европейцев (португальцев и испанцев), знакомых со Страной восходящего солнца, а также от народов Востока, поддерживавших торговые связи с Китаем. С проникновением русских к берегам Тихого океана, основанием первых поселений на Камчатке и в Приморье установить двустороннюю торговлю между Россией и Японией не удалось в силу целого ряда причин. Главные из них – закрытость и самоизоляция Японии, отсутствие достоверных знаний о стране у русских предпринимателей, а также переводчиков, владеющих японским языком, и др. Именно по этим причинам русские переселенцы, крайне заинтересованные в получении товаров из Японии (слишком далеки были российские промышленные и торговые центры от Приморья), прибегли к посреднической помощи коренных народов этого обширного края.

В трудах Н.Г. Спафария, Г.Ф. Миллера, С.П. Крашенинникова и других отечественных исследователей конца XVII-XVIII в. приводятся сведения о Японии, ее жителях, а также о соседних народах. Адмирал И.Ф. Крузенштерн отмечал, что айны, находившиеся под властью Японии, часто приезжали на русские острова, в том числе с торговыми целями, однако в начале XIX в. японские власти всячески препятствовали айнам в развитии этих торговых связей¹. Василий Михайлович Головнин, находившийся в японском плену в 1811-1813 гг., в своем сочинении упоминал, что японцы поддерживали торговые связи с айнами на протяжении четырех веков: «... ибо теперь четыре века, как японцы, торгуя с ними, доставляют им не только сарачинское пшено (рис. – В.Ш.), но и вещи, слу-

Шкунов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник. E-mail: orientru@mail.ru

жащие в роскоши, как-то: табак, сагу и проч.»². Автор заметил, что для айнов, с которыми японцы поддерживали торговые связи, доставлялась сшитая на японский манер одежда из пеньки, а в отдельных случаях и хлопчатобумажная и шелковая одежда, вышитая золотом и серебром, а также сабли в серебряной оправе. Японские власти не допускали продажи айнам огнестрельного оружия и пороха, но не ограничивали вывоз табака. Определенные запреты существовали и в отношении sake: японские торговцы могли доставить айнам строго определенное количество крепких напитков (как отметил В.М. Головнин, «чтобы вредные напитки не произвели между ними болезней и не подали повода к ссорам и преступлениям»³).

Еще в XVIII в. русские православные миссионеры осуществляли деятельность по приобщению курильских айнов к христианской вере. Процесс этот шел неоднозначно: многие крестившиеся аборигены часто сохраняли и традиционную веру. Тем не менее общение с русскими способствовало приобщению айнов к русской культуре, языку, обычаям, а в конечном счете – определенному доверию с их стороны. Как отметила отечественная исследовательница М.В. Осипова, «кроме решения своей прямой задачи – христианизации аборигенных народов и распространения православия, РПЦ участвовала и в их просвещении, содействовала взаимопониманию представителей разных народов, внося тем самым неоценимый вклад в формирование межнациональных отношений»⁴.

Попытки установить торговые связи с Японией предпринимали А.Э. Лаксман, И.Ф. Крузенштерн и другие российские путешественники. Однако все эти усилия оказались напрасными: японские власти наотрез отказывались устанавливать официальные торговые отношения с Российской империей, разрешив российским судам заходить исключительно в порт Нагасаки. И.Ф. Крузенштерн, находившийся на Хоккайдо

с 26 сентября 1804 г. по 5 апреля 1805 г., отмечал, что во время его пребывания в Японии к нему и его товарищам неоднократно приходили айны. Они, в частности, доставляли сушеные сельди, обменивая их на российскую одежду и пуговицы (за одну пуговицу отдавали от 50 до 100 сушеных сельдей. – *В.Ш.*). Во время рейда в заливе Анива близ берегов Сахалина И.Ф. Крузенштерн общался с капитаном японского судна, прибывшего из Осаки с грузом риса и соли в обмен на сушеную рыбу и меха, которые были выменены у сахалинских айнов.

Вслед за И.Ф. Крузенштерном из Японии была снаряжена экспедиция на остров Сахалин японского чиновника Мамия Риндзо (1807-1809 гг.). В своем подробном отчете об итогах путешествия автор дал описание коренных народов Сахалина и Приамурья. Особое внимание он обратил на торговую деятельность аборигенного населения посещенных им земель: «Обитатели острова торгуют с нами (японцами. – *В.Ш.*), приезжая для этой цели в Сирануси. Кроме того, они ведут меновую торговлю с сантанами, ороками и сумеренкуру. Торговля занимает очень важное место в их жизни, поскольку дает средства к существованию»⁵.

Курильские острова и остров Сахалин представляли интерес для японцев прежде всего природными богатствами. Местные рыбные промыслы, добыча морского зверя и морепродуктов, сбор морской капусты – все это приносило японским предпринимателям большую прибыль. Из местной акватории они вывозили разнообразную рыбу (сельдь, треска, макрель, кижуч, горбуша, кунжа, голец, камбала и пр.), добывали кита, касатку, сивуча, морских котиков, бобров, тюленей и т.д. На территориях расселения айнов японцы также заготавливали в большом количестве лес (дуб, ель, сосна, береза, липа, тополь, клен, рябина, черемуха и пр.)⁶. Наконец, Курильские острова в XVIII - первой половине XIX в. изобиловали дикими животными, которые являлись объектами промысла как айнов, так и японцев. Здесь велась добыча медведей, волков, лисиц, зайцев, оленей, соболей, а также птицы – гусей, уток и лебедей.

Сахалин в первой половине 50-х гг. XIX в. оказался в центре внимания российских властей. Отчасти это было связано с осуществлением превентивных мер по недопущению иностранного (прежде всего американского) проникновения в дальневосточные пределы Российской империи. Снаряжение Сахалинской экспедиции под руководством Геннадия Невельского должно было решить эту проблему. Первый начальник Сахалина (1853-1854 гг.), будущий первый военный губернатор Амурской области Николай Васильевич Буссе, участвовавший в этой экспедиции, оставил подробные воспоминания о времени пребывания на острове. Особое внимание он уделил вопросам хозяйственно-промысловой деятельности японцев, а также описанию коренных народов

Сахалина. Автор отметил, что еще до прибытия японцев на остров местные айны получали от маньчжуров табак, вино, одежду, домашнюю утварь и оружие⁷. Эти торговые отношения между айнами, ороками и нивхами с маньчжурами сохранялись и в середине XIX века, несмотря на всяческое противодействие японцев. Как заметил Н.В. Буссе, «мена японцев с айнами не может называться торговлей, а есть только спекуляция японского начальства на Сахалине, основанная на силе»⁸. Японцы определили места меновой торговли. Сам процесс этой торговли осуществлялся под присмотром японского офицера. Обменяв с большой выгодой для себя товары у айнов, японцы эти же товары перепродавали (точнее, меняли) маньчжурам, приезжавшим в порт Сирануси, за шелковые ткани, моржовую кость и орлиные хвосты. Вторым крупным центром меновой торговли служило поселение Нойоро, которое Н.В. Буссе охарактеризовал как «главный пункт мены вообще всех айнов» и «узел всех сношений народов, населяющих Сахалин», «центр мест пушного промысла, в особенности, соболя»⁹. Туда же приезжали для мены нивхи, ороки и маньчжуры. В земли айнов японцы запрещали проезжать как маньчжурам, так и орокам и нивхам. С приходом россиян на Сахалин японцы также запрещали местным жителям продавать им свои товары. Тем не менее меновая торговля между российскими подданными и коренными жителями Сахалина вскоре преодолела все препятствия. Более того, сами японцы стали торговать с русскими: они поставляли им рыбу, уголь, овощи и пр. В период Сахалинской экспедиции российские офицеры провели картографическое описание местности, провели разведку полезных ископаемых. В этих трудах они опирались на помощь аборигенного населения. Н.В. Буссе сделал вывод: «Решившись занять Сахалин, правительство назначило совершить это под торговым флагом Российско-Американской компании. Это дает наружный вид экспедиции чисто торговый»¹⁰. Бесспорно, активная торговая деятельность российских подданных на территории Сахалина вовлекала в этот процесс и коренные народы острова. Последние быстро принаровились к «правилам» торговли, нашли свое место в меновой торговле. К примеру, те же нивхи, вступавшие в торговые отношения с айнами, делали двойной оборот, «скупая меха за товары, купленные ими или от самих маньчжур, или от русских в Петровске»¹¹.

В первой половине 50-х гг. XIX в. российская колонизация Сахалина проходила очень осторожно, хотя и настойчиво. Г.И. Невельской неоднократно отмечал, что все шаги российских властей должны восприниматься японцами, находившимися на острове, не как экспансия, а как действия законных властей на своей территории, нацеленные на защиту и охрану прав предпринимателей и торговцев независимо от их поддан-

ства и национальности. В общении с японцами Г.И. Невельской подчеркивал, что его задача «не препятствовать промышленности и торговле японцев на острове, но, напротив, строжайше ограждать их справедливые интересы от всяких насилий»¹². В своих записках Геннадий Иванович особое внимание уделил характеристике коренных народов Сахалина и Приамурья, их связям с японцами. Эвенки, айны и другие народы, населявшие остров, нередко нанимались к японцам для участия в промыслах. Взамен подданные Страны восходящего солнца расплачивались саке, табаком, рисом и рыболовными снастями.

1855 год стал переломным в российско-японских отношениях. 21 января в Симодэ российский адмирал Е.В. Путятин подписал с японскими властями договор о взаимной торговле и границах. Симодский договор впервые в истории двусторонних отношений определял условия торговли для подданных двух государств. Однако неопределенность статуса и государственной принадлежности острова Сахалин (совместное и нераздельное владение России и Японии) породила новые проблемы. Остров стал превращаться в плацдарм торгово-экономического соперничества двух монархий.

Отечественный врач, путешественник, литератор А.В. Вышеславцев, совершивший в 1857-1860 гг. кругосветное путешествие, опубликовал в 1860 г. воспоминания о своем пребывании на острове Сахалин. В частности, он привел любопытные сведения о коренных народах Дальнего Востока – айнах, нивхах и орочах. Рассказывая о нивхах, Алексей Владимирович заметил, что кроме рыболовства и охоты они занимались сбором женьшеня, который доставляли на Сахалин для продажи иностранцам. Сюда же они привозили для мены шкуры соболей, медведей, белок, выдр, а также разную рыбу¹³. Свой товар они обменивали на японские товары: табак, дабу (вид хлопчатобумажной ткани. – *В.Ш.*), крупы, свинец и пр. А.В. Вышеславцев назвал нивхов «армянами здешнего края», поскольку они являлись «народом торговым, проворным, предприимчивым»¹⁴. На Сахалин они приезжали с берегов Амура и вели меновую торговлю с японцами и айнами. Местом меновой торговли, как правило, были районы Южного Сахалина. По всей видимости, со временем некоторые нивхи, перебравшиеся на постоянное место жительства на Сахалин, стали преимущественно заниматься торговлей, а охотой и рыболовством – лишь «по случаю». Эти переселенцы хорошо говорили по-русски, понимали японский язык и язык айнов. Как заметил А.В. Вышеславцев, нивхи «торгуются с азиатской задорностью, не хуже любого гостинодворца, в одежде щеголеватее других туземцев»¹⁵.

В начале 60-х гг. на Хоккайдо побывал российский путешественник, морской офицер С.В. Максимов. В своей книге, посвященной путешествию

на Восток, он отметил, что в Хакодате уже во второй половине 50-х гг. была русская колония¹⁶. Здесь же находилось российское консульство. С открытием города для иностранных торговцев его экономическая значимость резко возросла: он постепенно стал превращаться в значимый торговый центр Хоккайдо. Как отметил Сергей Васильевич, «Хакодате и стал, говорят, поправляться на русских деньгах»¹⁷. Русские офицеры и матросы с удовольствием приобретали в городе саке, шелковые ткани, лаковые деревянные изделия и пр. При этом они удивлялись дешевизне японских товаров. В городе были лавки, которые пользовались особым доверием у российских подданных. Более того, некоторые японские купцы уже сносно могли объясняться по-русски.

С заключением договоров Японии с европейскими державами и США, расширением внешней торговли в экономическую жизнь империи стали активно вовлекаться разные районы государства, в частности северные. Хакодате, где располагалось российское консульство, все чаще стали посещать отечественные торговые суда. Разумеется, наличие представительства Российской империи на острове Хоккайдо позволило его служащим на месте собирать различные сведения о Японии. Прикомандированный к консульству лейтенант Павел Николаевич Назимов (будущий вице-адмирал, путешественник и исследователь Тихого океана. – *В.Ш.*) опубликовал ценные сведения об острове Хоккайдо, местных айнах и внешней торговле Японии¹⁸. Он отметил, что айны острова Хоккайдо занимались преимущественно рыболовством и охотой на медведей и оленей, отдавая часть добытого японским чиновникам. Им строжайше запрещалось торговать на деньги. Из Хакодате в пределы Российской империи вывозились самые разнообразные товары, включая и те, что поставлялись местными айнами: сушеная рыба, олени шкуры и рога, овощи, морская капуста и пр. Среди экспортных товаров в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. отмечены фарфоровые изделия (производились на фарфоровой фабрике в Хакодате), шелковые изделия и т.д. П.Н. Назимов очень точно подметил: «Жители Хакодате преимущественно принадлежат к торговому сословию. Всякий дом есть лавка или магазин; каждый житель непременно чем-нибудь торгует»¹⁹. Внешнеторговые обороты города росли с каждым годом; сюда все чаще стали прибывать торговые суда из Нагасаки, Мацумаэ, Токио и других японских городов, а также из Великобритании, США, России.

В 50-е гг. японские товары попадали и в Приамурье. Среди них особо следует отметить хлопчатобумажные и шелковые ткани, рис, чай, камфару, фарфоровые и лакированные изделия и т.д. Из Приамурья в японские порты вывозились конопля, шерстяные изделия, свинец, цинк и пр.²⁰ С развитием торговли и предпринимательства в Приамурье в торговую деятельность, в меновую

торговлю все больше вовлекались коренные народы этого обширного края. Нанайцы, эвенки, нивхи, уличи, негидальцы, удэгейцы, орочи и маньчжуры обменивали продукты своих промыслов на оружие, снасти, ткани, рис, муку и пр. Заметную роль в местной торговле играла основанная в 1858 г. Амурская компания.

К концу 60-х годов XIX в. и российские, и японские подданные, находившиеся на Сахалине, проявляли повышенный интерес к его природным богатствам, в частности к полезным ископаемым. Местные коренные жители оказывали им посильную помощь. Российский путешественник, географ и исследователь Дальнего Востока П.П. Глен, в частности, сообщал, что айны называли россиянам места залегания каменного угля, а также добычи янтаря на Сахалине²¹. Автор также заметил, что с середины 50-х годов XIX в. японцы стали быстро заселять Сахалин. Это были в основном жители городов Мацумаэ и Хакодате с острова Хоккайдо. На Сахалине они основали несколько селений, расположенных близ удобных бухт и по берегам рек. Нередко в непосредственной близости друг от друга располагались российские и японские посты, как, например, при реке Кусуннай. Российский пост Ильинский располагался на правом берегу реки, а японский пост Кусуннай – на левом берегу²².

Во второй половине 60-х гг. XIX в. ситуация в северной части Тихого океана стала кардинально меняться. Это было связано прежде всего с продажей русских владений в Северной Америке Соединенным Штатам в октябре 1867 г. После потери Аляски, Алеутских и других островов российские предприниматели переключили свое внимание на Камчатку, Сахалин, Приамурье и Приморье. Задача российских властей состояла в защите своих экономических интересов на Дальнем Востоке. А поводов для беспокойства было немало. В 1868 г. бывший министр финансов США Р.Дж. Уокер в письме к госсекретарю У. Сьюарду писал: «Театром наших величайших триумфов призван стать Тихий океан, где у нас скоро не будет ни одного грозного европейского соперника. Конечным итогом будет политический и коммерческий контроль над миром»²³. О таких планах, разумеется, в Санкт-Петербурге не могли не знать. Все дальнейшие шаги российских властей были нацелены на защиту своих владений на Дальнем Востоке, а также на обеспечение интересов отечественных торговцев и промышленников. К повышению эффективности такой политики подталкивали и участвовавшие случаи появления на Дальнем Востоке различных европейских миссионеров, а также торговых судов в территориальных водах Российской империи. Суть такой политики в свое время выразил еще император Николай I: «Где раз поднят русский флаг, он уже опускаться не должен»²⁴. На рубеже 60-70-х гг. российскими властями были приня-

ты дополнительные (в том числе политические, дипломатические и военные) меры по укреплению экономических позиций России на Дальнем Востоке, упрочению торгово-экономических отношений с сопредельными странами, включая Японию, Китай и Корею.

Выдающийся российский путешественник, этнограф и знаток Востока М.И. Венюков в начале 70-х гг. XIX в. отмечал, что сахалинские нивхи и айны, промышлявшие охотой, сбывали соболиные, медвежьи, лисьи и выдровые меха японским, российским и американским торговцам²⁵. Японцы в это время проживали преимущественно в южной части острова; осенью 1869 г. только в районе Анивского поста их насчитывалось до 500 чел. Говоря о коренных народах Сахалина, Михаил Иванович писал, что гильяки (нивхи) с севера приплывали на лодках к южным берегам с целью приобретения у айнов мехов и дальнейшей их перепродажи российским купцам из Николаева. Любопытны сведения, приведенные ученым об айнах: «Это суть звероловы и рыболовы, находящиеся в кабальной зависимости от японцев, у которых постоянно в долгу за забираемые предметы одежды, утварь и рис... Японцы их притесняют, платя слишком дешево или вовсе ничего не платя за оказываемые ими услуги по рыболовству, и это вызывает их жалобы, нередко заявляемые на наших постах»²⁶. М.И. Венюков особое внимание в своем труде обратил на состояние торговли на Сахалине во второй половине 60-х гг. XIX в. Он, в частности, отметил главные торговые центры меновой торговли на Сахалине: ими являлись пост Сирануси и российско-японские посты в заливе Анива. Копеечные товары из городов Европейской части Российской империи и Японии здесь, на Сахалине, с большой выгодой для торговцев выменивались на лучшие меха соболей, медведей, лисиц, выдр, оленей, тюленей и т.д. С увеличением числа российских и японских подданных, по мнению М.И. Венюкова, «торговля, особенно рисом, мукой и европейскими заводскими произведениями, должна значительно вырасти»²⁷. Российский исследователь привел и другие не менее ценные сведения об айнах, их численности, занятиях, отношениях с японцами и россиянами²⁸.

18 марта 1867 г. в Санкт-Петербурге была заключена Конвенция между Россией и Японией по вопросам совместного использования богатств острова Сахалин. В ней не только признавались равные права японцев и россиян на свободу перемещения по острову, строительство магазинов, домов, промышленных заведений, но и определялись права аборигенного населения: «Туземцы острова сохраняют вполне их личную свободу и собственность. Они могут по доброй воле наниматься в услужение к русским и японцам, и если которые-нибудь из них войдут в долги, то могут производить уплату их работой или какой

другой услугой»²⁹. Несколькоими месяцами позже, 11 декабря 1867 г., в Хакодате была заключена Конвенция между Россией и Японией, регулировавшая вопросы двусторонней торговли, а также определявшая тариф таможенных пошлин.

В 1875 г. в серии «Ученые записки Императорского Казанского университета» был опубликован «Айно-русский словарь» М.М. Добротворского с кратким очерком об айнах³⁰. Автор отметил, что жившие в южной части Сахалина русские изучали айнский язык, поскольку он служил средством общения с японцами. Сами айны Сахалина и Курильских островов в последней четверти XIX в. были самым тесным образом связаны с японцами: у них они приобретали продукты питания (прежде всего табак, рис и рисовую водку саке), одежду, предметы домашнего обихода и пр. Сами японцы, проживавшие на Сахалине в 60-70-е гг. XIX в., старались воздерживаться от прямых торговых связей с русским населением острова. Более того, они настраивали местных айнов не вступать в сделки с русскими. Однако этот запрет часто нарушался. Также поступали и другие коренные народы Сахалина – ороки, гиляки (нивхи), ульчи и др. Например, ульчи, добывавшие зверя, в том числе и на территории Южного Сахалина, сбывали пушнину иностранцам, невзирая на запреты.

В 1875 г. Российская империя и Япония договорились об обмене территориями. В соответствии с соглашением Санкт-Петербург передал Курильские острова за право владения всем островом Сахалин. Безусловно, такое решение привело к разделу и территориальным сферам торгово-экономического влияния, а также к изменению подданства коренных народов, проживавших на этих островах. Колонизационное бюро Японии побуждало сахалинских айнов переселиться на остров Хоккайдо. Однако этим уговорам последовал лишь 861 человек, т.е. меньшая часть айнов³¹. В рассматриваемый период география торговых связей айнов значительно расширилась. Как отметили некоторые исследователи, «в XVII-XIX вв. айны вели торговлю не только с японскими купцами, но и населением империи Цин, с жителями Приамурья через Татарский пролив, с аборигенами Америки через Берингов пролив и т.д.»³².

В середине 70-х гг. XIX в. объемы российско-японской торговли оставались весьма скромными. В первом полугодии 1875 г. в открытые для иностранцев порты Японии зашло всего 10 торговых судов под российским флагом. Из России было доставлено товаров на 822 золотые иены, а вывезено японских товаров – на 29575 золотых иен³³. Распределение отечественных торговых судов по портам выглядело следующим образом: Нагасаки – 5, Хакодате – 2, Касагава – 2 и Осака – 1³⁴.

В 80-е гг. XIX в. японские предприниматели расширили свою деятельность в южной части острова Сахалин. При этом они использовали

варварские методы добычи рыбы, нанося ущерб природе. Российский врач, географ, путешественник и ботаник Ф.М. Августинович, побывавший на острове, отмечал, что «японцы, имея в виду одну лишь свою пользу, крайне стесняют гиляков, орочей и айнов, запирая почти наглухо реки в некотором расстоянии от впадения их в море»³⁵. Местные коренные народы порой лишались возможности запасти рыбу впрок, что приводило к случаям голодной смерти в их селениях. Нередко гиляки, орочи и айны жаловались местной российской администрации на произвол японских предпринимателей.

Сопредельные территории в 80-е гг. XIX в. все больше вовлекались в российско-японскую торговлю. Со временем здесь сформировались центры международной торговли, в которой принимали участие и коренные жители островов. Среди них следует отметить Хакодате. Российский консул Григорий де Волланд, проживший в Японии 6 лет, заметил в своей книге: «... в Хакодате всегда было много русских, русские военные суда постоянно зимовали в Хакодате и между чиновниками губернского правления есть несколько человек, знающих отлично по-русски и не знающих по-английски»³⁶. Также автор привел ценные сведения об айнах, об их взаимоотношениях с японцами, их быте, занятиях и пр.

К концу XIX в., по наблюдениям лиц, посетивших остров Сахалин, число местных айнов постепенно уменьшалось, что было вызвано их массовым переселением на остров Хоккайдо. Их привычную жизнь на Сахалине все чаще стали стеснять пришлые люди. Народоволец, отбывавший ссылку на острове в течение 8 лет, И.П. Миролюбов (Ювачев) в своих воспоминаниях отмечал: «Говорят, айны на Сахалине тают: привольная жизнь их здесь стеснена пришельцами, они предпочитают переселяться на японские острова»³⁷. Это замечание подтверждает наличие тесных связей сахалинских айнов с сородичами, проживавшими на острове Хоккайдо. В Японии проживали их родственники, бывшие соседи, знакомые. Коренные жители Сахалина (включая и другие народы, кроме айнов) в самом конце XIX в., по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., составляли всего 15% от общего населения: 4268 чел. из 28113 чел.³⁸ Их связи с японцами не прекращались, хотя и приобретали несколько иные черты. К началу XX в. коренные народы Сахалина все чаще закупали более дешевое японское саке, предпочитая его русской водке³⁹. К этому времени японцы развернули на острове широкую предпринимательскую деятельность: они брали у русских в аренду целые промыслы, тесня и стесняя коренные народы Сахалина. Они приезжали сюда на все лето и доставляли все необходимое для вылова рыбы, ее переработки. Доставлялись на остров и сезонные японские рабочие-промысловики. Основной их

добычей становились сельдь и рыба семейства лососевых. Вылов японцами только сельди в рассматриваемый период оценивался примерно в 4 млн. пуд.⁴⁰

Побывавший в 1899 г. в Японии видный организатор железнодорожного дела в Российской империи Ф.И. Кнорринг во время посещения Эноси – пригорода Нагасаки – видел многочисленные вывески на русском языке. Он отметил, что здесь в ходу были российские рубли, а также дешевизну местных товаров⁴¹. Именно дешевые японские товары привлекали в страну все больше и больше иностранных торговцев. Ежегодно росли объемы японской внешней торговли. Если в 1876 г. она оценивалась по вывозу в 27711527 иен и ввозу – в 23964078 иен, то в 1899 г. – в 218381970 иен и в 229058757 иен соответственно⁴². Приведенные данные свидетельствуют о бурном развитии внешнеторговых связей Японии.

Таким образом, задолго до официального оформления российско-японских торговых отношений торговля между Россией и Японией носила неупорядоченный, эпизодический характер на территориях приграничья при активной роли коренных народов Дальнего Востока. Ведущими посредниками в торговых связях российских и японских предпринимателей выступали айны, проживавшие на острове Сахалин и на Курильских островах, в меньшей степени – другие коренные народы этого региона. После заключения Симодского договора и иных двухсторонних межгосударственных договоров российско-японская торговля получила упорядоченный характер. При этом коренные народы Дальнего Востока активно участвовали в торговых операциях, выступая как в роли поставщиков определенных товаров, так и в роли посредников. Несомненно, российско-японская торговля в силу целого комплекса причин на протяжении рассматриваемого периода существенно отличалась от характера торговых отношений Российской империи с другими сопредельными странами Востока, имела специфические черты. Однако, как показывает весь опыт мировой торговли, торгово-экономические интересы народов порой оказывались выше многочисленных препятствий, возникавших на пути двусторонней торговли: предпринимательская смекалка всегда приходила на помощь купцам. В случае с Японией отечественные торговцы воспользовались посреднической ролью аборигенного населения Дальнего Востока.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Айны или курильцы // Энциклопедический лексикон. Т.1. СПб., 1835. С.306.
² [Головнин В.М.] Сочинения и переводы Василия Михайловича Головнина. Т.2. 1864. С.369.
³ Там же. С.372.
⁴ Осипова М.В. Христианизация айнов как способ

распространения российского влияния на Курильских островах // Вестник ДВО РАН. 2012. №1. С.21-22.

- ⁵ *Магия Риндзо*. Описание Северного Эдзо // Краеведческий бюллетень. 1993. №4. С.112.
⁶ [Головнин В.М.]. Указ. соч. С.373.
⁷ *Буссе Н.В.* Остров Сахалин и экспедиция 1853-1854 гг. СПб., 1872. С.71.
⁸ Там же. С.72.
⁹ Там же.
¹⁰ Там же. С.79.
¹¹ Там же. С.85.
¹² *Невельской Г.Н.* Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. М.: Дрофа, 2009. С.345.
¹³ *Вышеславцев А.А.* От бухты святого Владимира до Амура // Русский вестник. 1860. Т.29. С.194-195.
¹⁴ Там же. С.198.
¹⁵ Там же. С.200.
¹⁶ *Максимов С.* На Востоке. Поездка на Амур. Дорожные заметки и воспоминания. 2-е изд. СПб.: Издание книгопродавца С.В. Звонарева, 1871. С.390.
¹⁷ Там же. С.398.
¹⁸ *Назимов П.Н.* Из воспоминаний о Японии // Морской сборник. 1861. Т.IV. С.328-347.
¹⁹ Там же. С.342.
²⁰ *Ravenstein E.G.* The Russians on the Amur; discovery, conquest and colonization. London: Trubner and Co, 1861. P.412.
²¹ *Глен П.П.* Отчет о путешествии по острову Сахалин // Труды Сибирской экспедиции Императорского Русского географического общества. Т.1: Исторические отчеты. СПб., 1868. С.118.
²² Там же. С.XXI.
²³ История Русской Америки (1732-1867): В 3-х тт.: Т.III: Русская Америка: от зенита к закату (1825-1867) / Отв. ред. акад. Н.Н. Болховитинов. М.: Международные отношения, 1999. С.477.
²⁴ *Невельской Г.И.* Указ. соч. С.176.
²⁵ *Венюков М.И.* Обзорение Японского архипелага в современном его состоянии. Вып.2. СПб.: Скоропечатня Ю.О. Шрейера, 1871. С.8.
²⁶ Там же. С.11.
²⁷ Там же. С.12.
²⁸ *Венюков М.И.* Указ. соч. Вып.1. С.67.
²⁹ Там же. С.ХI.
³⁰ *Добротворский М.М.* Айнско-русский словарь // Ученые записки Императорского Казанского университета. 1875. С.31-46.
³¹ *Широкоград А.Б.* Япония: Незавершенное соперничество. М.: Вече, 2008. С.36.
³² *Фролова Е.Л., Такакура Хироки, Токуда Юкако.* Взгляд на историю Японии с точки зрения ее коренных народов: прошлое и настоящее айнов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т.9. Вып.7: Археология и этнография. С.165.
³³ Summary of foreign trade for the six months ended June 30th, 1875 // The Japan Mail. 1875. October, 11. P.591.
³⁴ Ibid. P.592.
³⁵ *Августинович Ф.М.* Заметки об острове Сахалине. СПб.: Типография МВД, 1880. С.29.
³⁶ *Волланд де Г.* В Стране Восходящего Солнца: Очерки и заметки о Японии. СПб.: Издание Товарищества М.О. Вольф, 1906. С.197.
³⁷ *Ювачев И.П.* Восемь лет на Сахалине / И.П. Миролубова. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1901. С.173.
³⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской

- империи, 1897 г. Т.LXXVII: Сахалин. Тетр.1. СПб., 1899. С.14-15.
- ³⁹ Гаксбах Ж. Сахалин: Очерк природы и населения. М.: Д. Тутаев, 1905. С.15.
- ⁴⁰ Там же. С.13.
- ⁴¹ Кнорринг Ф.И. Через Америку и Японию: Путевые очерки. Петербург: Издание Н.М. Лагова, 1904. С.267-268.
- ⁴² Вolland де. Г. Указ. соч. С.501.

THE ROLE OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE FAR EAST IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF RUSSIAN-JAPANESE TRADE IN THE XVIII-XIX CENTURIES

© 2016 V.N. Shkunov

Volga Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Science, Samara

The author discusses the role of the indigenous peoples of the Far East (Ainu, Oroch, Nivkhi, Evenki, Udege, Negidals, etc.) in the development of trade between Russia and Japan. He identifies the role of the indigenous population of the Far East as the mediators in Russo-Japanese trade, and argues that they played this role during the period when the trade between two states was not officially resolved. He also characterizes the range of goods, channels of their delivery and distribution, and specifics of barter exchange.

Keywords: Russian Empire, Japan, indigenous peoples of the Far East, foreign trade, goods, Sakhalin, Hokkaido.